ИНТЕГРАЛЬНОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТИ И СПЕЦИФИКА ТВОРЧЕСТВА ДЖ. ЧОСЕРА

Рассматривается проблема обоснования целостности идентичности как основополагающего элемента личности, делается вывод о том, что именно накопленное методологическое знание о целостности идентичности расширяет возможности корректного анализа как отдельных сторон жизнедеятельности человека и общества, так и более глубокого понимания специфики творчества людей культуры, их текстов. С этих позиций делается попытка анализа идентичности Дж. Чосера как представителя переходной эпохи, но одновременно носителя интегральной идентичности, что и выявляет анализируемая специфика его дискурса.

Ключевые слова: междисциплинарный подход; интегральность идентичности; гендерный дискурс; Джеффри Чосер; Кентерберийские рассказы; бессознательное; средневековая Англия; женщина в средневековой Англии.

Понятие идентичности прочно вошло не только в словарный запас гуманитариев разного толка, но и в обывденную речь. Известно, что ввел его известный специалист по психоистории Э. Эриксон. Однако точного определения этого понятия в его работах мы не найдем. Его можно лишь реконструировать, опираясь на многочисленные работы ученого. В самом общем виде основу идентичности, согласно концепции психоисторика, составляет «субъективное ощущение тождества и целостности» себе и обществу [1. С. 28]. Это «бессознательное стремление к непрерывности жизненного опыта» находится в постоянном процессе перестройки социального процесса. «Эго», базовый элемент «я-идентичности», возникает и развивается в контексте жизненного опыта, в процессе которого временно спутанные «я» реинтегрируются в ансамбль ролей. Этот процесс культурно-исторически обусловлен большой социальной динамикой мира, в котором действует конкретная личность [1. С. 12, 220, 221; 2. С. 359–396].

Сказанное не означает, что идентичность не может быть строго определена и проанализирована. Исследования последних лет достаточно убедительно показали, что определять идентичность через набор ее отдельных проявлений будет некорректным. За это время в науке появилось понимание интегральности идентичности и способов ее расшифровки [3. С. 89–100; 4]. Причем это понимание было подтверждено клиническими исследованиями, в результате которых ученые сделали вывод о том, что особенности девиантного поведения связаны со своеобразием строения целостной личности, с особенностями ее социокультурного становления [5. С. 3–16].

При этом ясно, что изучение таких тонких материй требует владения концептуальным знанием и инструментарием столь современного междисциплинарного уровня, который предполагает и наличие парадигмальной новой методологической их скрепы.

Такие попытки делались на протяжении всей второй половины XX в., но все они не могли гарантировать научность результата, так как подчас представляли собой набор эклектично собранных методик, которые с трудом могли быть синергично спаяны в целостный междисциплинарный методологический концепт исследовательского поиска [4. С. 6–44]. В научной среде зрела необходимость появления такой технологии, которая имела бы адекватные критерии отбора приме-

няемого комплементарного инструментария, некий их общий методологический фокус, являющийся гарантом правильного отбора инструментов исследования.

Именно в таком ключе в рамках Томской методолого-историографической школы была создана и успешно апробирована на многочисленном и масштабном конкретно-историческом материале технология исследовательского поиска И.Ю. Николаевой. Сконструированная в соответствии с названными методологическими установками технология полидисциплинарного анализа автора строилась, к тому же, на челночном принципе многошаговой перепроверки результатов на макро- и микроуровнях исследования, что позволяло провести верификацию полученных данных [4. С. 45–102].

Сделав эти необходимые теоретико-методологические оговорки, автор данной статьи попытается показать методологические ресурсы данной технологии для расшифровки специфики историко-культурного дискурса Дж. Чосера. Его творчеству среди отечественных историков уделено не столь большое внимание, какого он заслуживает. Пожалуй, наиболее точно природу его сознания как переходную от традиционно средневековой к новоевропейской определил Ю.М. Сапрыкин. Тем не менее Ю.М. Сапрыкин, внёсший существенный вклад в чосероведение, названной интегральности не видел, да и не мог видеть. Отсюда некие «провисания» в его интерпретациях.

Так, связывая в одной из работ появление Чосера с развитием товарно-денежных отношений в Англии [7. С. 10–11], в другой – он пишет, что поэт «имел возможность воспринять идеи итальянских гуманистов и, таким образом, стать зачинателем раннего английского гуманизма...» [8. С. 64].

Лакуна в сапрыкинской концепции обусловлена, на наш взгляд, тем, что историк, верно акцентируя своё внимание на знакомстве Чосера с достижениями городской культуры Италии, малое внимание уделил тому, кем он был по своему происхождению и социальному положению. Между тем очевидно: если бы Чосер не имел определённых специфически «национальных» свойств характера и менталитета, если бы его социальный опыт не резонировал с соответствующим опытом тех, кого Бурдые называет основными агентами социального поля (в данном случае английского) – он не смог бы оригинально-творчески переработать воспринятое наследство итальянских гуманистов.

Иными словами, в исследованиях ученого отсутствует тот самый механизм интерпретации живой пластики появления культурного текста, его опосредованного детерминирования личным опытом, формирования и развития идентичности автора, опытом, сформировавшимся в определенном социально-экономическом, политическом и социокультурном пространстве жизни общества.

Формат текста позволяет лишь абрисно обозначить исковую интегральность идентичности английского поэта при всей ее переходности. Для наглядности выберем гендерный пласт анализируемого дискурса. Здесь рельефнее видна как переходность сознания поэта, так и живая связь с иными составляющими идентичности.

Один из ярчайших рассказов поэта из серии кентерберийских – рассказ Купца, в котором повествуется о некоем старом рыцаре Януарии, женившемся на молодой Майе. Поскольку естественные законы природы нарушены, то в одну из ночей муж слепнет от перенапряжения и, блядя свою жену как зеницу ока, не отпускает её ни на шаг. Между тем Майя назначает молодому пажу Дамиану свидание на груше.

За сценой в одном из уголков сада за ними наблюдают Платон с Прозерпиной. Платон сказал: «...Я убеждён: // никто не будет отрицать всечасной // измены жен своим мужьям... // Среди тысячи мужчин хотя один хорош, // а женщины хорошей не найдёшь... // Но Вам своим величеством клянусь, что зрение // супругу возвращу я в то мгновенье, когда жена затеет блуд» [9. С. 519–520]. На что «...Фей королева это услышав, // воскликнула: «Пусть будет так, по мне! // Но знайте, что я дам его жене//и впредь всем женщинам ответов кучу. // Им никакой не будет страшен случай» [Там же].

И действительно, когда факт измены открылся прозревшему Януарию, Майя успешно выкрутилась из ситуации: «Мне рассказали, – я не лгу, ей-ей! // Что, коль хочу вернуть вам свет очей, // На дереве вступить в борьбу мне надо // С мужчиной, и я была так рада, // Что мне устроить это удалось» [9. С. 522].

Мораль Чосера вполне традиционна: «Совершенен бог, а смертный без различья пола плох» [9. С. 520]. Иными словами, сознание поэта по-прежнему на уровне религиозно-моральных идиологем звучит почти традиционно. Но оговорка «почти» не случайна. «Смертный без различья пола плох» – это уже новая мутация идиологемы. Причем и сама смеховая, прочитываемая между строк, интонация поэта косвенно высвечивает если не оправдание Майи, то признание естественности ее поведения.

Повысившийся статус женщины, её власть над мужем отчётливо прослеживаются в образе и рассказе знаменитой Батской ткачихи. Главным желанием женщины объявляется власть над мужчиной: «Но утверждать пред всеми я решаюсь, // Что женщины всего дороже власть // Над мужем, что она согласна пасть, // Чтоб над любимым обрести господство» [9. С. 408]. И не только королева с этим соглашается, но и мужчины не спорят с такой постановкой проблемы. Кроме того, в конце этого рассказа женщина *доводами разума убедила мужчину в своей правоте*: «Так значит, над тобой

взяла я верх. // К моим ногам гордыню ты поверг? // Ты верх взяла, тебе и выбирать» [9. С. 414].

Подчеркнем здесь два момента – признание за женщиной ума, по крайней мере, практического, и, стоящего за кадром такого признания многоопытности Батской ткачихи, ведущей деловые предприятия мужей с пользой для хозяйства. «Поистине, жена есть дар небес; // Все блага прочие – луга, и лес, // И пастбища, и вокруг усадьбы нивы – // Дары случайные судьбы счастливой: <...> // Супруга же, напротив, – верьте мне, – // Надолго входит в дом, на дольший срок, // Чем ты, пожалуй, пожелать бы мог» [9. С. 494].

Нередко женщина уподобляется товару, выгодному или невыгодному приобретению. Соответственно воспринимается и брак. Та же Батская ткачиха говорит о браке как о товаре, в том числе и в смысле сексуального удовлетворения: «Прослыть же совершенной я не тщуся. // Что мне моим Создателем дано, // То будет мною употреблено. // И горе мне, коль буду я скупиться // И откажусь с супругом поделиться» [9. С. 179].

Эти трансформации ментальности, столь явственно выраженные языком Чосера, несмотря на то что она содержит в себе в значительной степени и отпечатки традиционного сознания, тем не менее, являют собой нечто принципиально новое, они являются ростками нового сознания, присущего человеку современного типа.

Мы имеем возможность убедиться в органичности изменений, происходящих в разных отсеках целостной идентичности поэта. Напомним, что принадлежащая к середине переломного для Англии XIV в. идея «правильности» торговли, её богоугодности находит своё более полное воплощение. Так, в середине века была сочинена анонимная поэма «Добрый краткий спор между Накопителем и Расточителем», в котором под первым понимается новый слой купцов, а под вторым – аристократия.

Предмет спора – вопрос о том, что лучше – тратить деньги или их копить. Накопитель называет желание тратить деньги высокомерием, а Расточитель призывает тратить. Накопитель восхваляет тех, кто мало тратит и живёт скромно, а расточительство Мота вызывает *негодование*, отмечает А.Я. Гуревич [10. С. 49].

Обратим внимание на три важных момента данного текста.

Первый – в нём последовательно проводится мысль о связи накопления с трудом.

Второй важный момент – эмоциональный, характеризующий социально-психологическое интонирование темы.

Мы неслучайно подчеркнули негодующий тон Накопителя. Столь резкая реакция, в большей степени свойственная авторитарно-нетерпимому сознанию, косвенным образом свидетельствует, по терминологии В. Тернера, о лиминальности данного типа сознания, что объясняется характером и темпом развития в Англии товарно-денежных отношений, новых типов трудовой активности, связанных с финансами и деньгами.

Об этом же свидетельствует и третий момент – то, что спор остался неразрешённым [10. С. 54]. Всё вместе говорит, таким образом, как о большей степени

переходности английского габитуса, так и его специфике. Характерно, что здесь не только нет осуждения торговца, здесь нет и осуждения аристократа. Наоборот, тут представлены две позиции мироощущения, мировидения. Каждая из них имеет право на существование, недаром точка в споре так и не была поставлена. Это нерешённость, а точнее – сосуществование двух разновекторных систем ценностей, являющихся, как известно, характерным признаком амбивалентно-

го или гротескного, в определении Гуревича, сознания. Наличие таких черт, как мы увидим, в чосеровской лирике, для которой, тем не менее, характерно нарастание диалогического алгоритма мышления (тернарного, по Лотману), также является маркером переходности сознания. Но те же самые параллели выявляет, как мы увидели, и гендерный дискурс Чосера, что лишний раз свидетельствует в пользу целостности идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
2. Erikson E.H. Ego Development and Historical change // Psychoanalytic Study of the Child. N.Y., 1946. Vol. 2.
3. Николаева И.Ю. Гендерный ракурс деформации идентичности царя: Иван IV в историко-психологическом интерьере кризиса опричного времени // Вестник Томского университета. История. 2007. № 1.
4. Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010. 409 с.
5. Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лзонтиу Ф. К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. № 6.
6. Идентичность в норме и патологии / под ред. Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Е.Н. Загоруйко. Новосибирск, 2000.
7. Сапрыкин Ю.М. От Чосера до Шекспира: этические и политические идеи в Англии. М., 1985.
8. Сапрыкин Ю.М. О гуманистических идеях Д. Чосера // Вестник Московского ун-та. Сер. История. № 1. М., 1978.
9. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М. : Эксмо, 2007.
10. Гуревич А.Я. Средневековый купец // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2: Жизнь города и деятельность горожан. М. : Наука, 1999.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 января 2013 г.